

Валерий ШАРАПОВ

Темные Гастроли

Они пришли
убивать, он пришел
их остановить

Советская милиция. Эпоха порядка

Валерий Шарапов

Темные гастроли

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Темные гастроли / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2026 — (Советская милиция. Эпоха порядка)

ISBN 978-5-04-251588-0

1978 год. В Воронеже одно за другим совершены несколько громких преступлений. Сначала на окраине города группа лиц напала на двоих мужчин и избила их до смерти обломками железных труб. Спустя несколько дней та же банда зарезала троих мужчин на проходной НИИ. Наконец, у здания театра неизвестные в масках расстреляли толпу зрителей, выходящих после спектакля... Неоправданность и жестокость произошедшего возмутили общественность. Поиски бандитов поручены группе майора милиции Александра Девяткина. По отпечаткам на обломках труб удастся вычислить одного из убийц, рецидивиста из Свердловска, а позже – и его подельников. Понимая, что оперативники вышли на их след, преступники решают совершить новое неслыханное по своей жестокости злодеяние...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251588-0

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валерий Георгиевич Шарапов

Темные гастроли

© Шарапов В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Глава 1

Сентябрь 1978 года для воронежцев выдался на редкость удачным в плане погоды. Учебный год отсчитал первые две недели, а столбик термометра в полуденные часы все еще держался на отметке 18–20 градусов тепла. Даже ночью воздух остывал лишь до комфортных плюс 10. От контраста температур в утренние часы на Воронежское водохранилище опускался густой туман. В нем, как в зеркале, отражались крыши многоэтажек, придававшие городу мистический вид.

По городским улицам спешили по своим делам горожане: заводчане в рабочих комбинезонах мерно вышагивали к проходной, женщины в цветастых платках несли из гастронома авоськи с хлебом и молоком, школьники в пионерских галстуках бежали в школу.

Вечером городские парки и скверы заполнялись приверженцами активного отдыха. По велосипедным дорожкам кружили счастливые обладатели двухколесных «друзей», блестящих хромом под лучами уходящего солнца. Все те же школьники, побросав портфели на увядающую траву, носились с громким гомоном вокруг тополей и кленов, стараясь «запятнать» товарищей быстрее, чем это сделают они. Чуть в стороне, держась за руки, прогуливались влюбленные парочки. Чувствовался дух любви и умиротворения. Казалось, все жители города радовались задержавшемуся лету и старались насладиться последними теплыми деньками в этом году.

Не был исключением и парк Авиастроителей, расположенный на левом берегу Воронежского водохранилища. Этот парк был заложен в 1934 году силами рабочих авиационного завода. Занимавший 7 гектаров зеленых насаждений, он был излюбленным местом отдыха не только для работников завода, но и для всех жителей Левобережного района, и не без основания. Окруженный промышленными зонами, он среди них казался настоящим чудом: тенистые аллеи, расцветающие золотом осенней листвы, чередовались с прудами, поросшими лилиями, где тихо плескалась вода, принося в души горожан покой и счастье. Многочисленные фонтаны, появившиеся в парке в шестидесятых годах, выбрасывали в воздух серебристые струи, расцвеченные закатными лучами солнца, а летний кинотеатр (особая гордость левобережцев) предлагал культурный досуг не только в праздничные, но и в будние дни.

Однако двух молодых людей, чей возраст едва-едва перевалил за 25, в этот вечер прелести паркового отдыха явно не интересовали. Они вошли в парк через центральные ворота, намереваясь использовать его всего лишь как кратчайший путь, которым воронежцы могли попасть с улицы Осипенко на улицу Циолковского и дальше, к окраинным улочкам, минуя многочисленные промышленные зоны, сплошь огороженные заборами с колючей проволокой, пущенной поверху. Бодрым шагом они прошли по центральной аллее, миновали знаменитый фонтан-ракету, даже не взглянув на красочный вид ниспадающих вниз водяных струй, перебежали через прочный мост над прудом, обогнули памятник вождю пролетариата и, выйдя через боковую калитку, оказались на улице Циолковского.

Стрелки часов приближались к девяти вечера, и в это время обычно оживленная улица казалась необитаемой, что было весьма странно, особенно если учитывать, что день был выходной. Молодые люди остановились на тротуаре, огляделись по сторонам.

– Ну и? – с вопросительной интонацией в голосе произнес один из них.

Он был невысок, но широк в плечах. Пиджак из тонкой шерсти едва сходил на могучей грудной клетке. Грубоватые, словно высеченные из камня, черты лица выдавали в нем уроженца северных регионов. Иссиня-черные, аккуратно остриженные волосы обрамляли смуглое лицо, а карие глаза смотрели на мир умным, проницательным взглядом.

Его товарищ был полной противоположностью ему. Долговязый, худощавый, с копной рыжих кудрей, в беспорядке торчащих на вытянутом черепе. Светлая кожа лица сплошь усы-

пана веснушками. Очки в черной пластиковой оправе и беспокойный бегающий взгляд светло-зеленых глаз придавали лицу какой-то беспомощный вид. Это ощущение усиливал полосатый, вытянутый на локтях и горловине свитер ручной вязки.

– Сейчас, Гера, сейчас. – Отвечая на невысказанный вопрос товарища, долговязый полез в карман серых брюк и выудил оттуда скомканный тетрадный листок. Расправив лист двумя руками, он поправил очки и принялся изучать листок. – Тут все подробно нарисовано.

– Надеюсь что так, Сеня. – Тот, кого звали Гера, терпеливо наблюдал за суетливыми движениями товарища. – Спросить дорогу нам явно не у кого.

– Не беда, Гера, не беда. Мы легко разберемся в схеме. Да. Разберемся, – заверил Сеня и вновь уткнулся в схему, начерченную на листке. Рассматривая чьи-то каракули, он начал вслух комментировать рисунок. – Так! Мы добрались до улицы Осипенко. Теперь перешли через парк и сейчас должны быть на улице Циолковского. Мы ведь на Циолковского?

– Похоже на то, – бросив взгляд на жилой дом, расположенный на противоположной стороне улицы, Гера сверился с табличкой. – Точно. На Циолковского. Куда дальше?

– Дальше, дальше... А дальше по Циолковского три квартала, – сообщил Сеня, отрываясь от листа.

– В какую сторону?

Вопрос товарища поставил Сеню в тупик. Он растерянно поморгал, дважды перевернул лист и озабоченно огляделся. Гера терпеливо ждал ответа.

– Слушай, когда она рисовала схему, все казалось таким простым и понятным, – произнес Сеня. – На деле выходит не так просто.

– Ты не знаешь, в какую сторону нам идти, – догадался Гера. – Отлично.

– Что же в этом отличного? – Сеня вздохнул. – Улица в оба конца довольно длинная, а мы не знаем, куда нам нужно: направо или налево.

– Значит, пойдем направо, – заявил Гера и решительно зашагал в выбранном направлении.

– Постой, постой, – заволновался Сеня. – Не так быстро!

– Ну, что еще? – Гера остановился и повернулся к товарищу.

– Почему ты решил, что нужно идти направо? Там ведь нет указателей.

– Налево тоже нет, – заметил Гера.

– И все же...

– Сеня, открою тебе секрет: нам без разницы, в какую сторону идти, потому что мы не знаем направления. Хоть туда, хоть обратно – результат один: мы заблудились.

– Думаешь, мы ее не найдем?

Голос Сени дрогнул, вызвав приступ жалости у его товарища. В Левобережном районе они оказались по причине патологической скромности Сени. В свои 25 ему еще ни разу не довелось встречаться с девушкой, а тут вдруг весьма симпатичная, по словам самого Сени, девушка обратила на него внимание. И не просто обратила внимание, а пригласила к себе в гости (как надеялся Сеня, для продолжительных отношений). Такую возможность он упустить не мог, а идти к девушке самостоятельно решимости не набрался, вот и попросил товарища составить ему компанию. Для первого раза, как сам он выразился. Гера, у которого, несмотря на низкий рост и вполне заурядную внешность, с противоположным полом проблем никогда не было, сочувствовал другу и был бы счастлив, если бы его личная жизнь наконец наладилась, потому и не отказал товарищу в его просьбе. Однако и Гера и Сеня всю жизнь прожили в Центральном районе, расположенном на правом берегу, и совершенно не ориентировались в левобережье, что и привело к сложившейся ситуации.

– Не дрейфь, Сеня. Мы ее найдем, – выдержав паузу, заявил Гера. – Даже если нам всю ночь придется плутать по боковым улочкам, к твоей Светлане мы обязательно придем.

– Правда? Ты действительно в этом уверен? – все еще сомневаясь, переспросил Сеня.

– Если не будем стоять столбами посреди дороги, то успех нам обеспечен, – Гера бросил взгляд на часы. – Вот увидишь, не пройдет и десяти минут, как ты будешь лицезреть свою Светлану.

Но и через двадцать, и даже через сорок минут к дому потенциальной невесты они не вышли. Они трижды меняли направление, заходили в проулки, читали надписи на домах, но найти нужную улицу им не удавалось. Товарищи потратили больше часа на блуждание по незнакомым улочкам и за все время не встретили ни одного прохожего, у которого могли бы справиться относительно нужного адреса. В четверть одиннадцатого вечера они окончательно вымотались, и даже оптимистично настроенный Гера потерял надежду на успех.

– Слушай, может, ну ее к лешему, эту затею? – остановившись у очередного поворота в проулок, выдал он. – Далась тебе эта Светлана.

– Тебе легко говорить, – Сеня обиженно поджал губы. – У тебя каждую неделю новая подруга, а мне, может, единственный шанс встречаться с девушкой выпал.

– Если бы выпал, нам бы не пришлось столько времени по чужим дворам таскаться, – проворчал Гера.

– Давай еще хотя бы полчаса походим, – просительно произнес Сеня. – Я чувствую, она где-то рядом!

– Ладно, полчаса потерплю, – согласился Гера. – Тридцать минут и ни минутой больше.

– Вот и отлично, – обрадовался Сеня. – Спасибо, друг! Если бы не ты...

– Да брось, – засмутился Гера. – Ты бы на моем месте поступил так же.

– Кажется, в этот двор мы еще не заходили. – Сеня свернул за угол, увлекая за собой друга.

– И правильно делали, что не заходили, – оглядевшись, заметил Гера. – Здесь же одни склады, ни одного жилого дома.

– А там, в конце улицы? – Сеня продолжал тянуть друга за рукав. – Видишь, окна светятся. Наверняка нам туда.

– Надо было, как я предлагал, в дома стучаться, – следуя за другом, ворчал Гера. – Давно бы уже адрес узнали.

– Неудобно людей беспокоить, – в сотый раз за вечер завел «шарманку» Сеня. – Люди с работы пришли, устали, отдохнуть хотят, а тут мы с тобой: адресок не подскажете?

– Ничего бы с твоими людьми не случилось, – возразил Гера. – Уж они-то должны знать расположение улиц в своем районе.

– О! Смотри! Там кто-то есть. – Сеня замедлил шаг. – Какие-то парни. Может, они нам подскажут, где эта проклятушая улица Крайняя?

Гера тоже остановился, но энтузиазма не выразил. В конце улицы действительно стояла группа мужчин, но что-то в их позах настораживало. Он уже собирался сказать другу, что не стоит беспокоить незнакомцев в таком глухом месте, но не успел. Доведенный до отчаяния, Сеня вдруг позабыл о природной робости и решительно замахал руками, привлекая внимание незнакомцев.

– Эй! Привет, ребята! Не могли бы вы нам помочь? – закричал он.

– погоди, Сеня, не спеши, – понизив голос, остановил его Гера.

– В чем дело? – обернувшись к товарищу, спросил тот.

– Не нравятся мне они, – прошептал Гера. – Странные какие-то. Стоят в тупике, о чем-то перешептываются.

– Ничего плохого в этом нет. Подумаешь, разговаривают тихо, – возразил Сеня. – Может, не хотят соседей беспокоить в такой поздний час.

– Каких соседей, Сеня? Тут на всю округу ни одного жилого дома, – заметил Гера. – Что они вообще здесь забыли?

– А мы что забыли? – не согласился Сеня и вновь замахал руками. – Ребята, помощь ваша нужна!

Пару минут, пока незнакомцы перешептывались между собой, Гера надеялся, что его интуиция сыграла с ним нехорошую шутку и его опасения напрасны. Затем от группы отделился один мужчина, довольно крепкий на вид, и развязной походкой направился к Сене. И в тот же миг Гера понял, что добром встреча не закончится. А Сеня, ничего не подозревая, уже спешил навстречу незнакомцу.

– Здорово, приятель, – на ходу выкрикнул он. – Не знаешь, где тут у вас улица Крайняя?

– Заблудился, корешок? – услышал он в ответ.

Голос незнакомца звучал гнусаво и как-то гаденько. Сеня остановился, он уже жалел о своем порыве обратиться к неизвестному. «Надо было послушать Геру», – подумал он, а незнакомец между тем приближался.

– Ничего удивительного, в наших краях такое случается, – продолжал гнусавить незнакомец. – Честным людям, таким как мы с тобой, кореш, Крайнюю улицу сложно найти. Но сегодня тебе фартит, как никогда.

– И почему же? – вступил в разговор Гера. Внутренне он весь подобрался и приготовился к драке. По опыту он знал, что теперь, когда незнакомец завел подобного рода разговор, драка неизбежна.

– Да потому что ты на ней стоишь, – выдал гнусавый и захихикал. – Считаю, эта самая улица для тебя и есть крайняя.

– Послушайте, нам не нужны неприятности, – начал Гера. Краем глаза он наблюдал за тем, как остальные обходят их с флангов, и понимал, что они собираются отрезать им путь к отходу, и это мешало ему сосредоточиться на гнусавом. – Давайте сделаем вид, что нас здесь не было. Чем бы вы здесь ни занимались, нас это не касается.

– Ошибаешься, корешок, вас это как раз очень даже касается, – гнусавый снова гаденько засмеялся. – Тебя и твоего краснорожего дружка.

– Не надо хамить, – не вовремя вмешался в разговор Сеня. – Мы просто искали мою девушку.

– Девушку? Ну надо же, – растягивая гласные, прогнусавил незнакомец. – Оказывается, у краснорожего есть девушка! Повезло же тебе, кореш. Вот у меня нет девушки. Не хочешь поделиться?

– Слушай ты, отвали, – Гера перешел в наступление. – Чтоб ты знал: я мастер спорта по самбо, и если ты и твои дружки задумали недоброе, то лучше бы вам передумать.

– Ох, ох, ох, как страшно! – принялся паясничать гнусавый. – Перед нами мастер гребаного спорта. А что ты скажешь на это?

В руках гнусавого как по мановению волшебной палочки появился обрубок металлической трубы. Он взмахнул им перед собой, труба разрезала воздух с резким звуком. Лицо Сени побелело, он отшатнулся. Гера сжал губы, оценивая ситуацию и понимая, что расклад не в их пользу. «С двумя я еще как-то справлюсь, но вот остальные, – пронеслось у него в голове. – Нет. Идти на конфликт не лучший вариант».

– Чего вы хотите? – сменив тактику, спросил Гера.

– Чего мы хотим? – повторил его вопрос гнусавый. – Чего же мы хотим...

– Если вам нужны деньги, – не дав ему закончить, продолжил Гера, – мы вам отдадим. Еще у меня неплохие часы. Берите и уходите. Преследовать вас мы не станем. И даже в милицию заявлять не будем. Такой вариант окончания нашей встречи вас устраивает?

– Не-а, – протянул гнусавый. – Лично меня не устраивает. Знаешь, чего хочется мне? Выпустить твои поганые кишки и посмотреть, какого они цвета. Такой вариант тебя устраивает?

Гера видел, что кольцо вот-вот сомкнется, и понимал, что у них единственный шанс из миллиона выбраться из передрыги. Он больше не раздумывал. Бросившись на гнусавого, он крикнул, обращаясь к товарищу:

– Сеня, беги! Беги, тебе говорят!

Но Сеня не побежал. Он, что называется, впал в ступор. Открыв от удивления рот, он смотрел, как к нему с двух сторон несутся приятели гнусавого. Он видел, как тяжелая труба, которой орудовал гнусавый, опустилась на голову Геры и из рассеченного лба брызнула кровь. Он слышал его крик, понимал обращенные к нему слова и даже внутренне осознал, что он действительно должен бежать, чтобы успеть позвать на помощь. И все же сдвинуться с места так и не смог.

Применив пару приемов, Гере удалось обезоружить гнусавого в тот самый момент, когда двое его приятелей почти добрались до Сени. Оттолкнув гнусавого, он бросился наперерез тому, что был ближе. Размахнувшись куском трубы, он сбил того с ног и, обогнув упавшее тело, оказался возле товарища. Перехватив трубу в левую руку, свободной рукой Гера ухватил Сению за плечо и как следует потрянул.

– Соберись! Слышишь? Соберись, иначе мы оба погибнем прямо здесь и сейчас, – выкрикнул он. – Давай же, ноги в руки и беги!

Он подтолкнул Сению по направлению к выходу из проулка, и тот даже успел сделать пару неуверенных шагов, когда кто-то из дружков гнусавого сбил его с ног. Сеня упал и машинально закрыл голову руками. Но это не помогло. Какое-то время он осознал, что его бьют, жестоко и неистово, но вскоре сознание помутилось, и он стал погружаться в небытие. Последнее, что он успел увидеть, был тяжелый кованый каблук. Медленно и неумолимо он приближался к его лицу. В последний момент Сеня закрыл глаза. Хрустнула, ломаясь, носовая перегородка. В горло полилась кровь, наполняя рот тяжелым привкусом железа. Сеня сглотнул и отключился.

* * *

Здание Главного управления внутренних дел по Воронежской области, расположенное в Центральном районе города на улице Володарского, гудело, как растревоженный улей. По узким, длинным, как кишка, служебным коридорам, пропитанным запахом чернил, махорки и чего-то приторно-сладковатого, сновали патрульные в форменных кителях, оперативники в повседневной одежде, следователи и криминалисты в строгих костюмах и отутюженных рубашках.

Сжимая потрепанные от многократного использования папки с материалами текущих дел, следователи заглядывали в кабинеты, бросали пару слов оперативникам и вновь спешили по своим делам. Из открытых дверей кабинетов вырывались обрывки фраз: «Облава в Подлётной, живо!», «Кто дежурит по Железке?», «На Парковую наряд отправили?». Телефоны трещали не умолкая, двери распахивались, чтобы вновь захлопнуться. В курилке, святая святых поклонников табачного дыма, оперативники спорили о результатах субботнего футбольного матча, не замечая, как пепел сыплется на надраенный пол. За окнами, выходящими на шумный проспект, сентябрьское солнце высвечивало мигалки милицейских машин, припаркованных на стоянке с надписью: «Только для служебного транспорта». Обычный рабочий ритм советской милиции в обычном городском отделе в обычный будний день.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам майор уголовного розыска Александр Девяткин привык к этой суеде и даже в какой-то мере скучал по ней, когда в городе выдавались относительно спокойные дни. Не то чтобы он мечтал о громких делах, кровавых преступлениях или сериях грабежей и убийств, расследованием коих занимался его отдел. Напротив, он бы хотел, чтобы преступность в городе упала до такого уровня, когда с работой может справиться и новичок участковый. Просто, как ни парадоксально это звучит, бешеный

ритм работы управления вселял в него уверенность в завтрашнем дне. А все потому, что за годы сыскной работы он понял одну простую вещь: если на криминальном фронте случилось затишье – жди настоящей беды.

В Воронежском УВД Девяткин проработал восемнадцать из двадцати лет службы, и за все это время он помнил всего два таких периода. В январе шестьдесят шестого и в мае семьдесят первого, и оба раза после непривычного спокойствия в мире уголовных преступлений наступал переломный момент и убийства начинали в буквальном смысле сыпаться на головы оперативников.

О службе в уголовном розыске Девяткин мечтал с детства. Он буквально грезил тем, как вырастет и станет ловить бандитов, отравляющих жизнь честным людям. Лежа на продавленном диване в каморке без окон, выделенной ему в скромной комнатухе воронежской коммуналки дедом, он, двенадцатилетний пацан, разыгрывал целые спектакли о подвигах «сыскаря» Девяткина. Погони, перестрелки, рукопашные схватки – и из всех он, Девяткин, неизменно выходит победителем. А как иначе? Ведь зло не может победить, верно?

В школу милиции он пошел сразу из рядов Советской армии, еще будучи на службе написал рапорт командиру, и тот расстарался, написав ему такую характеристику, что в учебное заведение Девяткин, можно сказать, как на салазках въехал. После обучения его отправили на обязательную отработку в Сибирь, где он нес службу участкового уполномоченного в районных деревнях. В Воронеж Девяткин вернулся, не отработав и двух из трех положенных лет, и сразу был зачислен в штат Главного управления. Так уж вышло, что там, в Сибири, ему посчастливилось раскрыть местонахождение банды грабителей, убивших трех сторожей, и это сыграло ключевую роль в его карьере. Тогда, в далеком пятьдесят девятом, ему казалось, что он провел гениальную сыскную операцию, и только отработав в уголовном розыске десять лет, он до конца осознал, насколько в том деле сыграло роль везение.

Так или иначе, Девяткин обосновался в Воронежском УВД и стал медленно, но верно продвигаться по службе. В свои сорок три он дослужился до майора милиции, получил должность старшего оперуполномоченного по особо важным делам и возглавлял отдел уголовного розыска. На личном опыте он убедился, что работа сыскаря состоит не столько из погонь, перестрелок и рукопашных схваток, сколько из кропотливого труда, наблюдательности, умозаключений и огромного терпения. Однако несбывшиеся юношеские представления и высокое положение не сделали майора Девяткина черствым или ленивым. Будучи начальником уголовного розыска, он все так же, как когда-то участковым, лично участвовал в оперативно-розыскных мероприятиях, все так же болел за каждое дело и прилагал максимум усилий для раскрытия как банальной бытовухи, так и более серьезных дел.

Вот и сейчас, отгородившись от суеты служебных коридоров прочной дверью, обитой толстым войлоком для лучшей звукоизоляции, он сидел за рабочим столом и размышлял. Перед ним лежала папка с материалами дела о преступлении, совершенном в прошедшую субботу. Это было дело Левобережных, но по установившейся практике информация обо всех преступлениях, совершенных в городе и области, стекалась в Главное управление. Конечно, майор Девяткин рассматривал далеко не каждое из них, но это дело, по мнению майора, выбивалось из общего списка.

Информация о преступлении поступила накануне в понедельник: в промзоне Левобережного района обнаружены тела двух мужчин. Отсутствие денег и документов позволило классифицировать происшествие как грабеж с нанесением тяжких телесных повреждений, приведших к смерти пострадавших. По мнению судмедэксперта, смерть наступила в ночь с субботы на воскресенье, однако тела обнаружили только в понедельник, когда на склады, где хранились строительные материалы местного строительно-монтажного управления, начали прибывать грузовые автомобили для погрузки. Вроде все логично. Безлюдное место, выходной день, поздний вечер и исчезновение денег, и все же...

Все же преступление не походило на классическое ограбление. Девяткин изучил материалы дела, пересмотрел фотоснимки с места преступления и даже не поленился съездить в морг, чтобы лично осмотреть тела, и пришел к выводу, что для ограбления дело слишком кровавое. Зачем нужно было избивать жертв до смерти, когда и пары ударов хватило бы, чтобы сломить сопротивление, даже если таковое имело место?

После того как удалось опознать тела, вопрос этот стал еще более актуальным. Пострадавшие, Герман Бергер и Семен Макаров, среднестатистические, ничем не выделяющиеся личности. Оба работали на Коминтерновском заводе, специализирующемся на изготовлении деталей для экскаваторов. Бергер трудился токарем, а Семен – электромонтером. И если Бергер, выходец из поволжских немцев, хотя бы в школьные годы занимался борьбой, то Семен спортом не интересовался вовсе. И тот и другой жили с родителями и собственными семьями не обзавелись, что также говорило в пользу теории Девяткина. Одно дело отдать деньги, на которые кормятся твои дети, и совсем другое – из личных сбережений.

Опознать жертвы удалось так быстро благодаря бдительности родителей. И Бергеры, и Макаровы обратились в милицию уже в воскресенье, когда их сыновья не вернулись домой. И опять же, если для Бергера проводить ночь у друзей было делом привычным, то Семен Макаров считался домоседом и вообще редко покидал квартиру в вечернее время. Из всего этого следовало, что, столкнувшись с преступниками, молодые люди вряд ли стали бы нарываться на конфликт. Скорее, они добровольно отдали бы деньги и другие ценности грабителям. Но тогда почему они все же мертвы?

Зрелище, представшее Девяткину в морге, повергло в шок даже выдавшего виды оперативника. Бергеру досталось сильнее: череп проломлен в трех местах так яростно, что мозговая жидкость вытекла из носа и ушей. Одно это должно было привести к отеку мозга и почти мгновенной смерти, но его все равно продолжали бить, уже после смерти. Об этом говорили многочисленные переломы костей конечностей, гематомы и рваные раны. Кроме того, Бергеру сломали несколько ребер, раздробили тазовые кости, а ступни превратили в сплошное месиво из обломков костей. Семен Макаров, по утверждению судмедэксперта, умер от болевого шока за считанные минуты. Его сердце попросту не выдержало боли, но нападавшие и его отделали так, что на опознании мать жертвы потеряла сознание, а отец смог опознать сына только по родимому пятну в подмышечной впадине.

Все это наводило на мысль, что ограбление не было целью преступников. Жестокость ради жестокости – вот о чем думал майор Девяткин, сидя в рабочем кабинете перед папкой с материалами дела. Как такое возможно? Криминальная обстановка в его родном городе многие годы оставалась на довольно приличном уровне. Если оперировать статистическими данными, то доля тяжких преступлений не превышала 5 процентов от общего числа правонарушений. Да, ему было известно о росте так называемой «бытовухи» и о преступных бандах, имеющих место в крупных городах. Но ведь они не в Казани и не в Ростове. Они в Воронеже! Спокойном в криминальном плане городе Советского Союза! Так откуда взялись эти выродки, забившие до смерти двух парней за гроши в их худых кошельках?

Размышления майора прервал стук в дверь. Почти сразу после этого дверь открылась, и на пороге возник давний друг и соратник Девяткина капитан Губанов. С Дмитрием Губановым майор работал уже 5 лет и был весьма высокого мнения о его оперативных способностях. Как-то само собой так сложилось, что их рабочие отношения быстро переросли в крепкую мужскую дружбу, подкрепленную тем обстоятельством, что и супруги оперативников поладили, что называется, с первой встречи.

Причиной такой всесторонней привязанности, как считал майор, послужило поразительное сходство Губанова и Девяткина. Оба высокие, спортивные, светловолосые и голубоглазые. Если бы не разница в возрасте, их можно было бы принять за братьев-близнецов. Да и харак-

теры у мужчин оказались весьма схожими: оба не терпели подхалимства, бездельников и приспособленцев и крайне щепетильно относились к служебным обязанностям.

– Скучаем? – входя в кабинет, поинтересовался Губанов.

– Вроде того, – пожал плечами Девяткин. – А ты чего не при деле?

– Так закрыли все, – сообщил Губанов. – Дело Гаджиева ушло в прокуратуру, материалы по Тульчеву закрывает наш стажер, а по краже из парикмахерской лейтенант Червяченко еще вчера следователю отчитался.

Лейтенант Николай Червяченко был третьим сотрудником отдела майора Девяткина. В отличие от Губанова, он служил в управлении всего полгода, но уже успел снискать благосклонность как капитана, так и майора своим трудолюбием и въедливостью в делах. Что касалось стажера Айбара Малгаджарова, то его прикрепили к отделу на время прохождения практики месяц назад, и представление сослуживцев о его оперативных способностях еще предстояло составить.

– Что ж, твой оптимизм вселяет надежду, – улыбнулся Девяткин. – Значит, ты свободен и можешь в полной мере насладиться приготовлениями к празднованию юбилея.

Девяткин подмигнул капитану, а тот при упоминании о юбилее недовольно скривился. Через месяц Губанову исполнялось тридцать пять, и его супруга решила во что бы то ни стало организовать пышное празднество в честь круглой даты, собрав под крышей дома капитана весь личный состав управления. Идея эта Губанову совершенно не понравилась, но обычно покладистая жена в этот раз категорически пресекла все его попытки отказаться от этой затеи. Три недели в доме Губановых шли непримиримые споры, и в итоге супругу пришлось капитулировать и согласиться с женой. С тех пор, кто бы ни упоминал при нем о злополучной дате, Губанов кривился и переводил разговор на нейтральную тему. Так он поступил и сейчас.

– Что это? – ткнув пальцем в папку на столе майора, заинтересованно спросил он. – Ограбление со смертельным? Решил взять дело под свой контроль?

– Пока не решил, – помявшись, майор подтолкнул папку капитану. – Не желаешь взглянуть?

– Почему бы и нет, если это избавит меня от разговоров о том, сколько говядины взять на отбивные и будут ли еще в продаже свежие огурцы, – шутливо проговорил Губанов.

Он уселся напротив майора и принялся изучать отчеты судмедэкспертов и криминалистов. Майор терпеливо ждал. Когда Губанов поднял глаза, от шуточного настроения не осталось и следа.

– Когда ребята из лаборатории трепались в курилке о том, с каким зверством им пришлось столкнуться, я, честно говоря, подумал, что они преувеличивают, – начал капитан. – Оказалось, что нет.

– Это ты еще в морге не был. – Майор тяжело вздохнул и забрал у Губанова папку. – Так что скажешь?

– Дело паршивое, – начал Губанов. – С таким я еще не сталкивался, это точно. И главное, непонятно, ради чего такая жестокость?

– Думаю, это ключевой вопрос, – согласился Девяткин. – Ради чего такая жестокость...

– Первое, что приходит на ум, – это что-то личное. Мсть или ревность заставили этих людей так измордовать безоружные жертвы, – помедлив немного, поделился впечатлением Губанов. – Только вот, насколько я понял из рапортов опроса родственников и коллег, парни эти ничем особым не выделялись. Невест ни у кого не отбивали, на работе начальство не подсиживали и зависти у коллег и соседей вызвать не могли. Тогда что остается?

– Да ничего, – закончил за товарища Девяткин.

– Вот и я так думаю, – согласился Губанов.

– Однако парни убиты, – Девяткин постучал костяшками пальцев по столешнице. – И думаю, найти убийц будет не так-то просто.

– Значит, все же хочешь забрать дело?

– Не знаю, Дима. Не знаю. – Девяткин тоже помедлил, прежде чем продолжить. – Сдается мне, от перемены мест слагаемых сумма не изменится. Неважно, кто будет заниматься расследованием, левобережные или мы. Быстрых результатов ждать не стоит.

– Тогда в чем вопрос? Колись, Саша, я ведь тебя не первый день знаю и интонации твои досконально изучил. Говори, что тебя смущает?

На этот раз Девяткин молчал долго, словно взвешивая все за и против. А когда заговорил, голос его звучал настолько уверенно, что у его собеседника и тени сомнения не возникло в достоверности выводов майора.

– Думаю, нам следует ждать продолжения, – тихо проговорил он. – Я почти уверен, что одним инцидентом дело не ограничится. Вот что меня гложет!

Ответить Губанов не успел. Как только роковая фраза была произнесена, на столе майора ожил аппарат внутренней связи. Звонок телефона прозвучал резко и неожиданно, отчего оба оперативника невольно вздрогнули и переглянулись. Майор протянул руку и поднял трубку.

– Слушаю, – бросил он.

Губанов понял, что вызов поступил от дежурного по части. Он старался вслушиваться в то, что тот говорил, но не смог разобрать ни слова. И все же по выражению лица майора он безошибочно угадал: слова Девяткина оказались пророческими. Как только майор положил трубку, догадка Губанова подтвердилась.

– Началось, – произнес Девяткин.

– Что? – переспросил Губанов, ожидая от майора подробностей.

– В Ленинском районе на улице Старых Большевиков, неподалеку от проходной Научно-исследовательского института электронной техники, произошло нападение, – пояснил Девяткин. – Три жертвы, у всех множественные ножевые ранения. Один скончался на месте, двух других везут в Первую областную на Студенческую. По словам медиков, состояние критическое.

– Думаешь, это наши молодчики? – с сомнением переспросил Губанов. – Поножовщина – это ведь не то, что было в Левобережном.

– Узнаем на месте, – коротко ответил Девяткин. – Собирай ребят, поедем сами.

...Когда милицмейская «Волга» с работающей мигалкой припарковалась у проходной НИИ, криминалисты уже вовсю работали. Майор Девяткин первым шагнул за оцепление, организованное патрулем передвижной милицмейской группы, за ним следовал капитан Губанов. Лейтенант Червяченко со стажером остались за линией ограждения, получив задание еще в пути. В их задачу входил опрос свидетелей, и справиться с ней было не так-то просто. Сигнал о происшествии пришел в управление спустя сорок минут после нападения, когда на вызов уже выехали и криминалисты, и «скорая», и оперативная группа ОВД Ленинского района, так что зевак и сочувствующих набежало прилично. Для начала лейтенанту и стажеру предстояло отсеять из толпы в несколько десятков человек тех, кто действительно что-то видел, и только потом приступать к опросу.

Криминалисты в серых халатах и резиновых перчатках методично обрабатывали место преступления. Фотограф, вооруженный фотоаппаратом «Зенит» с блиц-лампой, фиксировал периметр: общий план проходной с двух ракурсов, делал крупные снимки меловых силуэтов там, где лежали тела, фиксируя диаметр пятен крови с помощью масштабной линейки, следы обуви, уходящие к забору, разбитое стекло из двери проходной, разлетевшееся во все стороны. Второй криминалист, вооружившись лупой и набором щипцов, ползал на коленях, осматривая трещины в асфальте, осторожно извлекая одному ему видимые улики и упаковывая их в бумажные пакеты. Еще один эксперт, с рулеткой и планшеткой-блокнотом в руках, тщательно вырисовывал схему: расстояние от тела до пятен крови, траекторию разброса капель (индикатор направления удара), позицию трупа относительно различных предметов.

– Ого, сколько их сегодня, – удивленно прошептал Губанов. – Обычно и двух-то еле допросишься, а тут целая бригада.

Отвечать Девяткин не стал. Он присел над телом, машинально отметил раны на ладонях парня, павшего жертвой дерзкого нападения, и другие, более старые шрамы, чуть выше запястий. Его грудь и живот были в прямом смысле усеяны колото-резаными ранами, какие оставляет нож или кинжал. Лицо же оказалось нетронутым: ни царапин, ни ссадин, ни ушибов, лишь брызги крови, обильно усеявшие кожу. «Умылся собственной кровью, – вспомнил Девяткин расхожую фразу, которую часто использовали бандиты в пылу ссор. – Так вот как это выглядит». Поднявшись, майор отошел от тела и направился к группе мужчин в штатском, стоявших в дверях проходной института. Увидев его, от группы отделился приземистый мужчина с залысинами на некогда пышной шевелюре.

– Здравия желаю, товарищ майор. – Поравнявшись с майором, он протянул ладонь для рукопожатия.

Это был капитан Сечинов из Ленинского ОВД. Девяткин был с ним знаком по паретройке дел, пересекающихся с расследованиями, которые проводил УУР под его началом. Сечинова майор считал довольно способным сыскарем: аккуратным, методичным и напористым, но не в меру амбициозным.

– И тебе привет, капитан, – Девяткин пожал руку Сечинова. – Что здесь произошло?

– Вам с подробностями или вкратце? – уточнил Сечинов.

– Лучше с подробностями, – ответил Девяткин.

– Звонок в дежурную часть поступил в тринадцать двадцать две, – начал докладывать Сечинов. – Звонил вахтер с проходной. Из его сбивчивой речи дежурный понял, что у НИИ происходит драка с применением холодного оружия. Дежурный сразу же отправил сюда патруль. Ближайшая патрульная машина находилась в десяти минутах езды, но, когда милиционеры прибыли на место, все уже закончилось.

– В каком смысле закончилось? – прервал капитана Девяткин.

– Жертвы нападения лежали на асфальте, а налетчиков и след простыл, – пояснил Сечинов.

– Вот как? Хочешь сказать, все это они успели провернуть за десять минут? – Девяткин удивленно приподнял брови.

– Даже быстрее, – подтвердил Сечинов. – Наша опергруппа приехала минуты на три раньше медиков. Когда я прибыл на место, то увидел следующее: три тела лежали на асфальте в трех-пяти метрах от дверей проходной. У всех троих серьезные ножевые ранения. На проходной начал собираться народ, здесь, на тротуаре, тоже. Прохожие останавливались, не в силах пройти мимо. Картина, надо сказать, выглядела и впрямь шокирующе. Я успел проверить пульс у двоих, когда прибыла машина «скорой помощи». Передав пострадавших в руки медиков, я направился на проходную, чтобы опросить вахтера.

– Он видел, как все произошло?

– Так точно. От начала и до конца, – Сечинов указал на мужчину предпенсионного возраста, с опущенными плечами стоявшего у разбитой двери. – Он, конечно, потрясен случившемся, но излагает довольно связно.

– Так что он говорит? – поторопил Девяткин.

– Институт начинает работу в девять утра, соответственно, обеденный перерыв для сотрудников длится с тринадцати до четырнадцати часов, – начал Сечинов. – Большая часть сотрудников обедает в институтской столовой, но иногда кто-то выходит за территорию НИИ, чтобы перекусить в пельменной за углом, или по каким-то личным делам. Правилами института это не возбраняется, нужно только сдать пропуск на проходной и не опоздать с обеденного перерыва.

– Это понятно, что насчет инцидента? – вновь поторопил Девяткин.

– Примерно в тринадцать пятнадцать к пропускному пункту подошли трое: старший научный сотрудник Вениамин Семенович Здражевский и два его ассистента, Сергей Увеков и Александр Фурманов. Как и положено, они сдали пропуска и прошли через контрольно-пропускной терминал. Вахтер, Иван Матвеевич Аничкин, перебросился парой слов с Вениамином Здражевским. Кажется, они были знакомы. То ли на почве любви к футболу, то ли жили по соседству, сейчас не вспомню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.